

18+

ОЛЬГА ЕФИМОВА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ДОМ, ГДЕ ГОРИТ ОГОНЬ

Ольга Ефимова

Дом, где горит огонь

«Автор»

2026

Ефимова О.

Дом, где горит огонь / О. Ефимова — «Автор», 2026

Каждую ночь пожарный инспектор Вера Сомова приезжает на ложный вызов к заброшенному дому на Заводской. Туда, где три года назад погиб её жених. Туда, где огонь зовёт её по имени. Однажды она находит его — Даниила Холмова, бывшего пиротехника, осуждённого за поджог ночного клуба «Факел». Инвалида, который живёт среди выжженных портретов и ждал её три года. Он знает правду о той ночи. Он знает, кто убил её жениха. Но он не скажет ни слова, пока Вера не ответит на один вопрос:— Вы меня помните? Вместе они начинают расследование, которое приведёт их к богатому бизнесмену Морозову — человеку, который купил полицию, суд и даже смерть. Но правда оказывается страшнее: жених Веры жив. Артем инсценировал свою гибель, спрятался в Крыму, оставив её оплакивать пустую могилу. А Холмов Холмов сидел в тюрьме за чужое преступление, потерял мать, здоровье и почти утратил веру в справедливость. Это роман о том, как из пепла лжи и боли рождается любовь.

© Ефимова О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ:	5
Глава 1. Ложный вызов	7
Глава 2. Даниил Холмов	12
Глава 3. Рисунки на стенах	16
Глава 4. Он жив?	22
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Ольга Ефимова

Дом, где горит огонь

ПРОЛОГ:

Тот, кто остался внутри

Огонь не пахнет страхом.

Страх пахнет потом. Потом, железом и почему-то апельсинами – Вера не знала, откуда взялась это ассоциация, но каждый раз, когда она чувствовала запах цитрусов, сердце ухало куда вниз. А огонь пах иначе. Гарь, горелый пластик, иногда сладковатый привкус горящей древесины. Огонь был честным. Он не притворялся.

В ту ночь был запах крови.

Три года спустя. Вера Сомова все еще видела этот сон.

В нем она стояла на крыше недостроенной девятиэтажки дома на Заводской. Вокруг – Краснодар, подсвеченный снизу – оранжевыми фонарями. Внизу – пожарные машины, но они не спешили. Сирены молчали. Люди стояли и смотрели и смотрели вверх на нее.

А впереди, на краю крыши, стоял Артем.

В свадебном костюме в том самом, в котором они должны были пойти в загс через две недели после его гибели. Костюм был чистым, белым, а лицо – черным от копоти. Он улыбался. Уголками губ, как умел только он.

- Ты не пришла, - сказал Артем. – Я ждал.

- Ты умер, - ответила Вера. – Три года назад. Сгорел.

- Разве? – Он сделал шаг вперед, и под его ногой треснул асфальт. Из трещины полез дым. – Я тут. Смотрю на тебя. А ты на меня - нет. Ты смотришь на кого-то другого.

Вера хотела сказать, что нет, ни на кого она не смотрит, что живет одна, что не была ни с кем с тех пор, как ему вручили посмертный орден Мужества. Но язык не слушался.

Артем подошел ближе. Протянул руку. На ладони лежало обгоревшее кольцо – то самое, которое она сняла с его пальца в морге. Вернее, не с его. А с того кто лежал на столе и был похож на Артема, но пах не апельсинами, а формалином.

- Возьми, - сказал он.

Она протянула руку.

И в этот момент кольцо вспыхнуло.

Пламя побежало по пальцам Артема, по рукаву, по воротнику. Он не кричал. Он смеялся. А Вера смотрела, как белый костюм становится черным, как кожа трескается и отваливается хлопьями, как под ней – ничего, пустота, только ребра и тьма.

- Ты оставила меня там, - сказал он уже не ртом, а дырой в лице. – Я сгорел. А ты ушла даже не обернувшись.

Она закричала.

И проснулась.

В темноте квартиры. В одиночестве. С запахом и запахом гари, которого не могло быть – потому что она давно не включала газ, потому что окно корыто, это был просто сон.

Но когда Вера села кровати, она увидела на тумбочке обгоревший уголек. Маленький черный еще теплый.

Она выбросила его в мусоропровод.

Через минуту он вернулся. Лежал на том же месте. Как будто никуда не уходил.

Вера больше не спала в эту ночь.

Она сидела у окна, смотрела на зарево на Заводской – там, где ночью горел мусор на лестничной площадке. Снова четвертый раз за две недели.

Диспетчерская уже не высылала машины – только отмечала «ложный вызов». Но Вера знала: что там горит не мусор. То, что горит там, - это память. Чья-то злая, хитрая, живучая память, которая хочет, чтоб она пришла.

Завтра она поедет туда снова.

Потому что огонь честен. И он зовет ее по имени.

Из досье пожарной инспекции: «Сомова Вера Артемовна, 1987 г.р., за период 2023-2025 гг., совершила 42 выезда на ложные срабатывания по адресу: ул. Заводская, 17. Внеплановая психологическая аттестация не пройдена. Рекомендовано отстранение.

Подпись: начальника отдела. Дата 12.03.2025.

Резолюция Веры Сомовой: «Отказано»

Глава 1. Ложный вызов

Утро начиналось с запаха гари, вставшегося в форменную куртку.

Вера стояла перед зеркалом в прихожей и механически застегивала пуговицы. Одна, вторая, третья. На левом рукаве до сих пор не вывелось пятно — остатки сажи с прошлого выезда. Она не пыталась его отстирать. Как и не пыталась выбросить обгоревший уголек, который снова лежал на тумбочке этим утром. Она просто накрыла его перевернутой кружкой и сделала вид, что ничего не происходит.

В тридцать лет Вера Сомова научилась искусству не замечать того, что не вписывается в реальность. Это помогало работать. Это помогало не сойти с ума.

Телефон завибрировал на тумбочке. Сообщение от диспетчерской: «Заводская, 17. Сработала пожарная сигнализация. Выезд инспектора для проверки».

Вера не ответила. Она уже взяла ключи.

Машина завелась с пол-оборота, хотя ночью было минус пять. Старая «Лада» цвета выгоревшего кирпича помнила еще Артема — он подбирал ее на авторазборе за два месяца до гибели, говорил, что это «надежное ведро, которое переживет нас всех». Пережило. Стояло во дворе, ждало, когда Вера снова поедет на Заводскую.

Она ездила туда так часто, что могла вести машину с закрытыми глазами. Поворот на Красную, прямо до светофора, направо мимо хлебозавода, через железнодорожный переезд — и вот она, улица Заводская, названная так потому, что когда-то здесь был завод. Теперь не было ни завода, ни жизни.

Дома стояли мертвые. Заброшенные общежития, расселенные хрущевки, пара действующих производств, которые дымили по ночам нелегально. И в центре всего этого — дом семнадцать.

Девятиэтажка из красного кирпича, которую начали строить в девяностых и бросили на стадии коробки. Без окон, без дверей, с провалами лифтовых шахт и запахом человеческого присутствия, хотя по документам там никто не жил. Вера знала, что живут. Бомжи, наркоманы, подростки, которые приводили туда девчонок, чтобы напугать. И еще один человек — она узнала об этом только вчера, когда пробивала через знакомого в полиции список предполагаемых обитателей.

Даниил Холмов. Тридцать два года. Инвалид первой группы — спинальная травма. Судимость по статье 167 УК РФ — умышленное уничтожение имущества путем поджога, повлекшее смерть пяти человек. Приговор: шесть лет колонии общего режима. Вышел условно-досрочно за примерное поведение. Проживает в нежилом помещении по адресу: ул. Заводская, 17.

Вера заглушила двигатель и посмотрела на фасад.

Дом молчал. Ни дыма, ни открытого огня, ни бегающих людей. Только сизое утро, редкие снежинки и на карнизе четырнадцатого этажа — фигура человека в черном.

Она не успела разглядеть детали. Фигура исчезла, как будто ее и не было.

— Ложный вызов, — сказала Вера вслух, выходя из машины. Голос прозвучал глухо в холодном воздухе. — Очередной ложный вызов.

Она должна была просто составить акт. Зайти, проверить сигнализацию, убедиться, что возгорания нет, и уехать. Потом написать рапорт: «При осмотре объекта признаков пожара не обнаружено. Срабатывание системы связано с технической неисправностью либо внешним воздействием». Стандартная формулировка, которой она прикрывала тридцать семь выездов на этот адрес за последние два года.

Но сегодня Вера пошла не к щитку с сигнализацией.

Она пошла к подъезду.

Внутри пахло мочой, прелыми матрасами и чем-то еще — металлическим, сладковатым, неуловимо знакомым. Она включила фонарик на телефоне — батарейка была на двадцати процентах, но другого света не существовало. Лампы выкрутили давно. Провода висели плетьюми.

Ступеньки были обледенелыми. Кто-то лил воду намеренно, чтобы сделать подъем невозможным — или чтобы предупредить о приближении. Вера поднималась медленно, держась за ржавые перила. На третьем этаже она услышала шаги сверху. Не быстрые, не осторожные — спокойные, ритмичные. Шаркающие.

Коляска.

Сердце пропустило удар. Вера остановилась, прижалась к стене и выключила фонарик. Темнота стала плотной, как вода. Шаги приближались. Скрип колес по бетону. Тяжелое дыхание человека, у которого повреждены легкие — или просто холодно.

— Я знаю, что вы здесь, — сказала Вера. Голос не дрогнул. Она не позволяла себе дрожи на вызовах. Никогда. — Выходите.

Скрип прекратился. Тишина стала другой — живой, ожидающей.

— А вы не боитесь, — ответил мужской голос. Низкий, с хрипотцой, как у тех, кто много курил до травмы и продолжает после. — Одна, в темноте, без оружия. Идете туда, куда не ходят нормальные люди.

— Я пожарный инспектор, — сказала Вера. — Я иду туда, куда идут пожарные.

— Сгоревших искать?

Слова ударили под дых. Вера замерла на секунду, но совладала с собой.

— Выходите, — повторила она. — Предъявите документы. Вы находитесь в нежилом помещении, это административное нарушение.

— А вы находитесь там, где каждый ложный вызов — приглашение. — Голос стал ближе. — Вас зовут, и вы приходите. Как собака на свисток. Только свисток этот — огонь.

Вера включила фонарик.

Луч выхватил из темноты человека в инвалидном кресле. Черная куртка нараспашку, серая футболка с выцветшим принтом, на коленях — плед, хотя в доме было не теплее пяти градусов. Лицо — острое, бледное, с глубокими тенями под глазами и шрамом через левую бровь. Волосы темные, длинные, собраны в неаккуратный хвост. На вид — под сорок, хотя по документам было тридцать два. И взгляд — тяжелый, немигающий, как у человека, который уже все видел и перестал бояться.

Вера узнала его по фотографии из базы данных. Узнала, но сделала вид, что нет.

— Холмов Даниил Сергеевич, — сказала она официально. — Вы нарушаете статью 7.21 КоАП. Проживание в непригодном для жилья помещении. Кроме того, вызов пожарных по ложному срабатыванию — это статья 19.13. Я должна составить протокол.

Холмов не отвел взгляда.

— Вы меня помните? — спросил он.

Вопрос повис в воздухе, как дым. Вера не поняла, что он имеет в виду. Они не были знакомы. Она проверила — ни одного пересечения по делам, ни одного общего вызова. Холмов сидел в тюрьме, когда она расследовала тот пожар. Тот пожар, который унес жизнь Артема.

— Мы не знакомы, — ответила Вера. — Предъявите паспорт.

— Я не про знакомство. Я про другое. — Холмов достал из кармана куртки смятую пачку сигарет, извлек одну и закурил прямо в помещении. Это было еще одно нарушение, но Вера промолчала. — Вы меня помните? До того, как все это случилось. До тюрьмы. До коляски. До пожара в клубе. Помните?

Вера сделала шаг вперед. Теперь они разделяло не больше двух метров. Она могла разглядеть его руки — пальцы длинные, с темными разводами под ногтями. Краска. Или сажа. Или то и другое.

— Я не знаю вас, — сказала она твердо. — Я пришла проверить сигнализацию. Где щиток?

Холмов улыбнулся. Улыбка была страшной — не потому, что злая, а потому, что в ней не было ничего. Пустота. Только уголки губ дрогнули, и все.

— Нет здесь никакой сигнализации, Вера Артемовна. Отключили год назад, когда дом собирались сносить. Каждый ваш выезд на этот адрес был фальшивкой. Диспетчера звонят просто потому, что заявка в системе. Кто-то оплатил сервер, который шлет ложные сигналы. И платит уже второй год.

Вера почувствовала, как внутри все сжимается. Она знала это. Частично знала. Но слышать подтверждение от незнакомца в заброшенном доме было другим.

— Кто? — спросила она.

— Вы меня помните? — повторил Холмов.

— Это не игра, — Вера повысила голос. — Если вы знаете, кто организует ложные вызовы, вы обязаны сообщить. Это уголовное преступление. Вас могут привлечь как соучастника.

— Могут. — Он выпустил дым в потолок и наблюдал, как он расплзается серыми лентами. — Только я ничего не организовывал. Я просто живу здесь. А звонки — это приглашение для вас. Лично для вас. Кто-то очень хочет, чтобы вы приходили на Заводскую снова и снова.

Вера вспомнила уголек на тумбочке. Кружку, которую она на него надела. Сон, в котором Артем сгорал в свадебном костюме.

— Зачем? — спросила она тихо.

— Затем, что вы единственная, кто может раскрыть правду о пожаре в клубе «Орион». — Холмов выдохнул последнюю затяжку и затушил окурок о подлокотник коляски. Остался черный след. — Три года назад погибли пять человек. Плюс ваш жених. Шестой, если считать его. Хотя его смерть списали на героизм — вы же помните формулировку? «Пожарный Сомов Артем Александрович, эвакуируя людей из горящего здания, получил травмы, несовместимые с жизнью». Красиво. Почетно. И неправда.

Вера сжала кулаки так, что ногти впились в ладони.

— Вы были осуждены за этот пожар, — сказала она ледяным тоном. — Присяжные признали вас виновным в том, что вы устроили поджог из-за долгов. У вас были мотивы, были улики, был доступ к пиротехнике.

— Были. — Холмов кивнул, и его хвост качнулся. — Только улики подбросили. Мотивы придумали. А доступ к пиротехнике — это была моя работа. Я делал спецэффекты для сцены. И не для того, чтобы жечь людей живьем.

Он замолчал. В тишине было слышно, как где-то наверху капает вода — ритмично, как метроном.

— Артем Сомов не геройски погиб, — продолжил Холмов, глядя прямо в глаза Вере. — Его убили. Задушили в подсобке за десять минут до того, как начался пожар. Я видел тело. Я был там, когда все случилось. Меня подставили, как и его. Только он мертв, а я сижу перед вами в коляске.

Вера почувствовала, как мир качнулся. Стены стали слишком близкими, потолок — низким. Она оперлась о перила, чтобы не упасть.

— Вы врете, — сказала она. Но голос предательски дрогнул. — Артем погиб от отравления угарным газом. Я видела заключение экспертизы.

— Вы видели подделку. — Холмов покачал головой. — Вера, вы не глупая женщина. Вы инспектор, вы должны понимать: когда пять трупов в клубе, а шестой — пожарный, который должен был их спасти, но почему-то оказался в самом эпицентре, — это не совпадение. Это чистка. Кто-то убирал свидетелей. И ваш жених был главным свидетелем.

Она хотела закричать. Сказать, что это бред, что Холмов — преступник, который пытается обелить себя, переложить вину на мертвых. Но слова застревали в горле, потому что где-то глубоко, там, где она прятала сомнения все три года, что-то щелкнуло.

Вера вспомнила, как опознавала Артема в морге. Как смотрела на его лицо, которое было почти неузнаваемым — распухшее, синее, с полопавшимися капиллярами. Эксперт сказал, что это последствия отека легких. Но Вера работала с пожарами шесть лет и знала, как выглядят люди, надышавшиеся угарным газом. Их лица не такие. Не с гематомами на шее.

— Почему вы говорите это мне? — спросила она охрипшим голосом. — Почему сейчас? Холмов наклонил голову набок, как птица, и улыбнулся той же пустой улыбкой.

— Потому что скоро будет новый пожар. И на этот раз — не ложный. И если вы не узнаете правду до того, как загорится, вы снова кого-то потеряете.

— Кого?

— Не меня. — Он развернул коляску и покатил вверх по лестнице, легко объезжая ступени — видно было, что он здесь каждый день и каждый сантиметр изучен. — Меня терять не жалко, я уже потерян. А вот того, кто вас ждет. Того, кто жив, но вы об этом не знаете.

— О чем вы? — Вера пошла за ним, перепрыгивая через две ступеньки. — Холмов, стойте!

Он остановился на лестничной площадке между этажами. На стене за его спиной кто-то нарисовал огонь — красным и желтым баллончиком. Пламя, похожее на человека, тянущее руки к небу.

— Один вопрос, Вера Артемовна, — сказал Холмов, не оборачиваясь. — Тот уголек, который вы нашли у себя на тумбочке. Вы знаете, откуда он взялся?

Она замерла. Она не говорила никому об уголке.

— Откуда вы... — начала она.

— Я рисую огнем, — перебил Холмов. — Каленым железом по дереву. Это единственное, чему меня научили в тюрьме — кроме того, что люди горят очень быстро, а ложь — вечность. Ваш уголек — не мой. Он пришел сам. Как и все в этом доме. Как и вы.

Он покатил дальше, в темноту. Вера слышала, как скрипят колеса по бетону, как эхо разносит звук по пустым этажам. А потом скрип затих, и наступила тишина.

Она постояла минуту. Две. Потом медленно спустилась вниз, вышла на улицу и вдохнула холодный воздух.

Снег шел сильнее. Белые хлопья падали на черный асфальт и таяли, как будто земля была горячей.

Вера достала телефон. Набрала номер знакомого патологоанатома, который подписывал заключение по Артему.

— Вадим Сергеевич, — сказала она, когда на том конце ответили. — У меня к вам вопрос. Очень личный. И если вы соворете — я это пойму.

Трубка молчала три секунды. Потом Вадим Сергеевич тяжело вздохнул.

— Я ждал этого звонка три года, — сказал он тихо. — Приезжайте.

Вера сбросила вызов, села в машину и уставилась на фасад дома семнадцать. На четырнадцатом этаже снова мелькнула фигура — тот самый человек в черном. Но теперь Вера знала, что это не Холмов. Холмов был в коляске. Он не мог так быстро подняться наверх.

Значит, в доме был кто-то еще.

Кто-то, кто наблюдал за ней. Кто-то, кто платил за ложные вызовы. Кто-то, кто знал про уголек.

Кто-то, кто, возможно, убил Артема.

Вера завела двигатель и выехала со двора, ни разу не обернувшись. Но в зеркале заднего вида она все равно видела, как в окне четырнадцатого этажа зажигается свет.

Не электрический. Красный, пульсирующий, как дыхание.

Огонь.

Она нажала на газ сильнее. За спиной осталась Заводская, 17 — место, где ложные вызовы были правдой, а правда горела.

Через пятнадцать минут патологоанатом Вадим Сергеевич откроет ей дверь с лицом человека, который несет тяжесть, сломавшую ему жизнь. Скажет: «Вера, Артема убили. Я подписал фальшивое заключение, потому что мне угрожали. Угрожали моей дочери».

Она спросит: «Кто?» И он назовет фамилию, которую она ожидала и боялась услышать все это время.

Морозов. Илья Морозов. Владелец сгоревшего клуба «Орион». Бизнесмен, меценат, благотворитель. Человек, которому пожар был выгоден. Человек, который застраховал клуб на два миллиона долларов за месяц до трагедии.

Но до этого разговора оставалось пятнадцать минут дороги по заснеженному Краснодару.

А пока Вера Сомова ехала и смотрела вперед, не видя ничего, кроме огня, который горел у нее внутри все три года, просто она отказывалась это замечать.

Огонь честен. Он не врет. И теперь она знала правду.

Осталось только доказать ее.

— Вы меня помните?

Эти слова стучали в голове вместе с биением сердца. И Вера поняла, что помнит. Не Холмова — нет. Но тот вечер. Тот самый, за две недели до пожара. Репетиция в театре, куда Артем притащил ее на свидание. Пиротехник с длинными волосами, который настраивал фейерверки для сцены. Он обернулся, посмотрел на нее и спросил:

«Вы боитесь огня?»

«Нет, — ответила она тогда. — Я его понимаю».

Пиротехник улыбнулся и сказал: «Тогда вы опасный человек, Вера Сомова. Огонь понимают только те, кто сам готов сгореть».

Она не узнала его тогда. Но теперь — теперь все встало на места.

Даниил Холмов был прав. Она его помнила.

Вопрос был в другом: зачем ему это?

Глава 2. Даниил Холмов

Вера помнила то лето.

Не потому, что оно было особенным — хотя оно таким и стало, — а потому, что воздух пах дымом с конца мая и до сентября. Горели леса под Анапой, горели поля, горели склады на окраине. Диспетчерская захлебывалась вызовами, пожарные работали в три смены, и Вера, тогда еще молодой специалист инспекции, почти не бывала дома.

Артем злился. Он сам был пожарным, понимал цену каждого выезда, но ждал ее каждую ночь с ужином, который остывал, и чаем, который выкипал.

— Ты как огонь, — сказал он однажды, когда она пришла в четыре утра и рухнула на диван, не сняв формы. — Сама горишь и других зажигаешь.

— Это комплимент? — спросила Вера, закрывая глаза.

— Это диагноз.

Она засмеялась. Тогда она еще смеялась.

А через неделю в новостях появилось сообщение: в Краснодаре, в ночном клубе «Факел» на улице Селезнева, произошел крупный пожар. Пять человек погибли, семеро в реанимации. Здание выгорело полностью, обрушились перекрытия.

Вера смотрела репортаж по телевизору в своем кабинете. Картинка была страшная: черный остов здания, клубы дыма, скорая, пожарные машины, и над всем этим — вертолет с камерой.

Она тогда не знала, что Артем был внутри.

Он не сказал ей. Он ушел на смену, поцеловал в щеку, буркнул «не скучай» — как всегда. А через три часа ей позвонил начальник караула и сказал: «Вера, приезжай. Твой мужчина... твой Артем... он в больнице. Тяжелый».

Она не помнила, как ехала. Как забежала в приемный покой, как кричала на медсестер, пока кто-то не схватил ее за плечи. Врач сказал: «Отравление угарным газом. Глубокое. Мы боремся, но...»

Артем продержался двое суток. Вера сидела у его койки, держала за руку, разговаривала, хотя врачи говорили, что он не слышит. Говорила о том, как они поедут в свадебное путешествие в горы, как купят квартиру с большими окнами, как заведут собаку — он всегда хотел лабрадора.

Он умер на рассвете третьего дня. Монитор заверещал, прибежала реанимационная бригада, вытолкала Веру в коридор. Она стояла у двери и слушала, как затихают звуки — сначала голоса врачей, потом писк аппаратуры, потом все.

Когда реаниматолог вышел и покачал головой, Вера не закричала. Не упала. Она кивнула, повернулась и ушла. Вышла из больницы, села на лавочку и просидела до вечера, глядя в одну точку. Прохожие оборачивались, кто-то спросил, все ли в порядке. Она не ответила.

Тогда же она узнала про Даниила Холмова.

Дело о клубе «Факел» было громким. Пять жертв — это не шутка для города размером с Краснодар. Люди требовали справедливости, губернатор взял расследование под личный контроль, следователи работали круглосуточно.

Подозреваемого нашли быстро. Им оказался тридцатилетний пиротехник театра «Сцена», который в ночь пожара якобы устанавливал фейерверки для вечеринки в клубе. Даниил Холмов. Несудимый, без связей, без алиби.

Следствие утверждало: Холмов поссорился с администратором клуба из-за денег — ему не заплатили за предыдущее выступление. Он вернулся ночью, проник через черный ход, разлил легковоспламеняющуюся жидкость в подсобном помещении и поджег. Пять человек,

включая двух официанток и посетителя, не смогли выбраться из-за того, что заклинило аварийный выход.

Прокурор в речи на суде называл Холмова «монстром без совести» и требовал восемь лет строгого режима.

Вера следила за процессом. Не как инспектор — тогда она была в отпуске после похорон, не работала, почти не выходила из дома. Она читала новости с телефона, лежа в кровати, где еще пахло Артемом — его шампунем, его потом, его жизнью.

И помнит, как в какой-то момент подумала: «Что-то здесь не так».

Слишком гладко. Слишком быстро. Слишком много улик, которые оказались на месте именно там, где нужно. Бутылка с остатками бензина — с отпечатками Холмова. Запись с камеры, где фигура в его куртке идет к черному ходу. Свидетельские показания охранника, который «точно помнит» подозреваемого.

Но охранник был пьян в ту ночь — это выяснилось потом, когда адвокат Холмова поднял медицинские справки. Камера наружного наблюдения снимала с угла, где невозможно разглядеть лицо. А отпечатки могли быть старыми — Холмов бывал в клубе за неделю до пожара, настраивал оборудование.

Вера хотела написать запрос. Хотела разобраться. Но силы кончились, а потом ее перевели в другой отдел, и дело «Факела» ушло в архив.

Холмова признали виновным. Дали шесть лет колонии общего режима. Учитывая отсутствие отягчающих, явку с повинной — он признался под давлением, потом отказался от слов, но суд это не учел — и состояние здоровья. Он получил травму позвоночника за две недели до ареста, неудачно упал с лестницы.

Вера не знала тогда, что это была не случайность.

Сейчас, сидя в машине перед домом патологоанатома, она листала телефон. Старые новости, старые фотографии. В интернете почти не осталось информации о Холмове — только стандартная база данных судимостей да редкие упоминания в форумах, где кто-то писал: «А помните дело того пиротехника? Его же подставили, нет?»

Кто-то отвечал: «Он сам дурак, чего лезть, куда не просят». Кто-то: «Пять трупов — не шутка, пусть сидит».

Никто не спрашивал: а что, если он не виноват?

Вера выключила телефон и постучала в дверь.

Вадим Сергеевич открыл сразу, будто стоял в прихожей и ждал. Ему было под пятьдесят, лысеющий, в очках с толстыми линзами, в мятом свитере, который помнил лучшие времена. Он выглядел так, будто не спал несколько дней.

— Проходи, — сказал он глухо и посторонился.

Квартира пахла лекарствами и старой бумагой. На столе в гостиной лежали папки — Вера узнала архивные дела, те самые, желтые корешки, которые хранятся в подвале морга.

— Ты знаешь, зачем я приехала, — сказала Вера, не садясь. — Не надо чая. Не надо разговоров о погоде.

Вадим Сергеевич тяжело опустился на стул.

— Артема убили, — произнес он, глядя в пол. — Я подписал заключение, потому что мне пригрозили. Дочке моей, Ане. Ей тогда было двенадцать. Ей сказали по телефону: «Если дядя Вадим не подпишет бумажку, то Анечка больше не увидит своих одноклассников». Голос был изменен, я не знаю, кто это был. Но я испугался. Я старый трупоед, мне терять нечего, но ребенок... ты пойми.

— Я понимаю, — сказала Вера. Голос был ровным, хотя внутри все кипело. — Что было на самом деле?

Вадим Сергеевич поднял глаза. В них стояли слезы — не выдавленные, а настоящие, трехлетней давности.

— Артема задушили. До пожара. Я видел кровоизлияния в склеры, перелом подъязычной кости, характерные следы на шее. У него была асфиксия от сдавления, а не отравление газом. Я написал в черновике: «Смерть наступила в результате механической асфиксии». Потом пришел звонок. И я переписал.

Вера села на диван. Ноги стали ватными.

— Кто? — спросила она, хотя уже знала ответ.

— Тело доставили из клуба «Факел». Владелец клуба — Илья Морозов. Он же профинансировал расследование. Он же дал показания против Холмова. Он же, — Вадим Сергеевич сглотнул, — наверное, заказал удушение твоего жениха.

— Зачем?

— Артем что-то видел. Или что-то знал. Морозов подстраховался. Клуб горел не случайно, Вера. Это был поджог. И не Холмов его устроил. Холмов был козлом отпущения. А настоящий преступник — тот, кому пожар был выгоден.

— Страховка, — кивнула Вера. — Два миллиона долларов.

— И не только. «Факел» был убыточным. Морозов хотел снести здание и построить на его месте жилой комплекс. Но были проблемы с землей — исторический центр, охранные зоны. Если бы здание сгорело, можно было получить разрешение на снос быстрее. И страховка покрыла бы долги.

Вера закрыла глаза. Картинка складывалась. Илья Морозов — фигура в городе известная. Сеть ресторанов, строительный бизнес, благотворительный фонд. Дружил с мэром, финансировал детские дома. Награжден медалью «За доблестный труд». Идеальный гражданин, образцовый предприниматель.

Который убил пять человек и одного пожарного, а невинного отправил в тюрьму на шесть лет.

— Почему ты молчал три года? — спросила Вера открывая глаза.

Вадим Сергеевич заплакал. Без звука, просто слезы текли по щекам и падали на свитер.

— Потому что после звонка через неделю Аня попала в больницу. Аппендицит, скорая, операция. Я сидел в коридоре, и ко мне подошел мужчина в медицинской маске. Сказал: «Следующий раз будет не аппендицит». Я понял, что они могут все. У них руки везде. В больнице, в полиции, в прокуратуре. Если я скажу правду, меня убьют. Или Аню.

Вера встала. Подошла к окну. За стеклом валил снег, двор был пуст, фонари горели тусклым желтым светом.

— Сейчас ты говоришь, — сказала она. — Почему сейчас?

— Потому что я умираю, — ответил Вадим Сергеевич. Он снял очки и протер их дрожащими руками. — Рак поджелудочной, четвертая стадия. Мне осталось три-четыре месяца. Ане двадцать один, она учится в Москве, у нее своя жизнь, ей уже не страшно. А мне страшно уйти с этим грузом. Я хочу, чтобы ты знала правду. И чтобы он, — он кивнул на папки, — получил по заслугам.

— Кто еще знал? — спросила Вера.

— Никто. Я никому не говорил. Даже адвокату Холмова. Думал, они сами докопаются. Не докопались.

Вера повернулась к нему.

— А если я сейчас пойду в прокуратуру? Что мне предъявить? Твои слова? Умирающий патологоанатом, который признается, что три года подписывал фальшивки? Его адвокаты размажут меня в первый же день. Мне нужны документы. Мне нужны доказательства.

Вадим Сергеевич кивнул и протянул ей тонкую папку.

— Здесь все. Мои черновики, фотографии, копия настоящего заключения, показания свидетеля, который видел, как Артема затащили в подсобку. Я собирал по крупицам. Думал, что пригодится. Не знал, кому отдать. Теперь знаю.

Вера взяла папку. Не открыла. Просто держала в руках, чувствуя тяжесть — не бумаг, а трех лет молчания.

— Спасибо, — сказала она.

— Не благодари. Я трус и подлец. Я позволил убийце ходить свободным. — Вадим Сергеевич вытер лицо рукавом. — Но ты осторожна. Морозов не остановится. Он уже убил шесть человек, что ему еще один?

Вера направилась к двери, но на пороге остановилась.

— Холмов, — сказала она. — Даниил Холмов. Он знает правду. Он был там в ту ночь. Почему он не сказал на суде?

Вадим Сергеевич покачал головой.

— Он говорил. Его не слушали. Адвокат был слабый — государственный, за копейки. Судья — назначенная Морозовым. Все свидетели — купленные. Холмов был обречен с самого начала. Единственное, что его спасло от большего срока, — это травма. После той лестницы он почти месяц не мог ходить. В тюрьме ему стало хуже. Коляска — это не от падения. Это от побоев в СИЗО.

Вера сжала папку так, что хрустнули костяшки.

— Спасибо, — повторила она и вышла.

В машине она сидела десять минут, не заводя двигатель. Снег таял на лобовом стекле, превращаясь в капли, которые стекали, как слезы. Вера смотрела на них и думала.

О деле «Факела» она знала много. Но не все.

Теперь она знала, что Холмова посадили не за то, что он сделал, а за то, что он был удобным подозреваемым. У него не было денег, связей, защиты. Он был пиротехником — идеальная профессия для обвинения в поджоге. Он был одиноким — ни жены, ни детей, ни родителей, которые могли бы бить в колокола. Он был удобен.

Как Артем был неудобен. Потому что видел то, что не должен был видеть. Потому что мог рассказать. Потому что был честным.

— Я найду их всех, — прошептала Вера. — Клянусь.

Она завела машину и поехала не домой. На Заводскую, 17.

Холмов ждал ее. Она знала. И теперь у нее были вопросы, на которые он мог ответить. Не только про Артема. Про то, почему он не сбежал, не спрятался, не попытался начать новую жизнь после тюрьмы. Почему он живет в этом доме-призраке, в этой пустоте, среди запаха гари и лжи.

Почему он ждал именно ее.

По дороге Вера вспоминала лицо Холмова из телевизора — тогда, три года назад, с заседаний суда. Он был другим. Не сломанным. Злым, но живым. Смотрел в камеру и говорил: «Я не делал этого. Я не убивал. Найдите того, кто действительно это сделал».

Его никто не искал.

Теперь Вера будет искать. Потому что огонь честен. И она, наконец, готова смотреть на него открытыми глазами.

Она свернула на Заводскую, и в свете фар дом семнадцать выглядел так же, как всегда: черный, пустой, равнодушный. Но Вера знала, что внутри, на четвертом этаже, в комнате с окном без стекла, сидит человек, который ждал ее три года. И у него есть ответ на главный вопрос, который она боялась задать себе:

«А если бы я тогда, три года назад, не закрыла глаза на нестыковки в деле «Факела» — Артем бы остался жив?»

Холмов молчал сегодня утром. Но теперь Вера вернется и заставит его говорить. Потому что время молчания прошло.

Огонь горит ярко, когда в него бросают правду. И Вера Сомова собиралась разжечь этот огонь сама.

Глава 3. Рисунки на стенах

Вера не стала звонить в дверь — ее не существовало.

Она вошла через тот же подъезд, что и утром, но теперь не включила фонарик. Глаза привыкли к темноте за годы работы в задымленных зданиях, и даже здесь, в этом бетонном чреве, она различала контуры ступеней, трещины на стенах, окурки в углах.

На первом этаже было тихо. Слишком тихо даже для заброшки.

Вера остановилась перед дверью с номером «4», выцарапанным на ржавом железе. Под дверью пробивался свет — не электрический, а колеблющийся, живой. Она толкнула створку, и та поддалась с протяжным скрипом.

Комната оказалась неожиданно большой — бывшее общежитие, перепланированное под мастерскую. И Вера замерла на пороге, потому что стены говорили.

Они кричали огнем.

Все четыре стены от пола до потолка были покрыты рисунками, выжженными каленым железом. Темно-коричневые, почти черные линии на сером бетоне — портреты. Лица. Десятки лиц. Вера узнала некоторых — фотографии из новостей о пожаре в «Факеле». Тех пятерых погибших. Она узнала администратора клуба, который давал показания против Холмова. Узнала следователя, который вел дело. Узнала судью.

Но больше всего ее поразило лицо в центре самой большой стены — то, которое она видела каждое утро в зеркале.

Свое.

Даниил Холмов сидел в коляске посреди комнаты, перед небольшим переносным электрокамином, который давал тот самый живой свет. В руках он держал длинный металлический прут с раскаленным наконечником — самодельное калило¹. Рядом на полу лежали угли в металлической миске.

— Ты вернулась, — сказал он не оборачиваясь. — Я знал, что ты вернешься.

— Убери это, — голос Веры сел.

— Что именно? — Холмов повернул голову, и в ответах камина его лицо казалось вырезанным из дерева — глубокие тени, острые скулы, шрам, рассекающий бровь. — Прут? Угли? Или мое искусство?

— Мое лицо, — Вера кивнула на стену. — Ты выжег мое лицо на стене. Ты следил за мной?

Холмов отложил калило (раскаленный металлический стержень для рисования огнем) в сторону, развернул коляску к ней. Движения были медленными, но точными — человек привык управлять телом, которое слушается не так, как раньше.

— Я не следил, — сказал он. — Я рисовал по памяти. У меня хорошая память на лица. Особенно на те, которые однажды изменили мою жизнь.

— Мы не были знакомы пять лет назад, — возразила Вера, хотя внутри уже все поняла. — Ты сам сказал. Я проверила. Ни одного пересечения по делам, ни одного общего мероприятия.

— Ты права. Мы не были знакомы. Но я тебя видел. — Холмов достал из кармана куртки пачку сигарет, но не закурил — просто покрутил в пальцах. — Пять лет назад. 12 июня. День рождения твоей подруги. Той, с короткой стрижкой. Катя, кажется.

Вера вздрогнула. Катя Громова, ее лучшая подруга со школы. 12 июня — день рождения, который Катя отмечала каждый год в одном и том же кафе на Красной. Пять лет назад Вера была там. С Артемом. Они тогда только начали встречаться, и он держал ее за руку весь вечер, пальцы переплетенные, влажные от волнения.

— Откуда ты знаешь? — спросила она шепотом.

— Я там работал. — Холмов, наконец, прикурил, и огонек сигареты осветил его лицо снизу, делая похожим на персонажа из фильма ужасов. — Театр «Сцена» сдавал реквизит для вечеринок. Меня послали привезти дым-машины и светодиодные гирлянды. Я приехал, настраивал оборудование в углу. И увидел тебя.

Он замолчал, затянулся. Дым поплыл к потолку, смешиваясь с запахом гари от выжженных портретов.

— Ты танцевала, — продолжил он, и в голосе появилось что-то, чего Вера не слышала утром. Нежность. Горечь. Смесь, от которой сжималось сердце. — Была песня, не помню какая, что-то медленное. Артем пытался танцевать с тобой, но у него не получалось — он все время наступал тебе на ноги, и ты смеялась. Ты смеялась, как будто ничего важнее этого смеха не существовало на свете. А потом ты отодвинула его в сторону, закрыла глаза и танцевала одна. Раскинула руки, как птица. Или как пламя.

Вера вспомнила. Это был тот самый вечер, когда они с Артемом поругались перед танцами — из-за того, что он хотел уйти рано, а она нет. Потом помирились, и она вышла на импровизированный танцпол одна, просто чтобы размяться, под глупую песню группы, названия которой не помнила. Но помнила, как кружилась, как платье — синее, в горошек — взлетало, как Катя кричала «Верка, жги!».

Она не знала, что кто-то смотрит.

— Я стоял за стойкой с оборудованием, — продолжал Холмов, глядя не на Веру, а куда-то сквозь нее, в то самое прошлое. — Ты меня не видела. Ты вообще никого не видела, кроме себя и музыки. А я смотрел на тебя и думал: «Вот человек, который умеет гореть, не сгорая». Ты была такая... живая. Настоящая. Я запомнил это навсегда.

— Зачем ты мне это говоришь? — Вера сделала шаг вперед, потом другой. Теперь ее отделял от Холмова только метр, и она могла разглядеть детали, которые утром ускользнули. Седина в темных волосах, хотя ему только тридцать два. Мелкие шрамы на пальцах — следы от ожогов, старые, профессиональные. И глаза — светло-карие, почти желтые, как у волка.

— Затем, что ты спросила, откуда я тебя знаю, — ответил Холмов. — А я не умею врать. Не умею и не хочу. Одна ложь стоила мне шести лет жизни. Вторая убьет меня окончательно.

— Ты художник, — Вера кивнула на стены, обводя портреты взглядом. — Ты рисуешь огнем. Это называется пирография?

— Почти. Пирография — это по дереву. А я жгу по бетону. Сложнее, дольше, больнее. Но бетон честнее дерева. Дерево горит красиво и быстро, оно сдается огню. А бетон сопротивляется. Чтобы оставить след, нужно по-настоящему захотеть. — Он посмотрел на свой портрет Веры — тот самый, в центре. — Твой был самым трудным.

— Почему?

— Потому что я рисовал тебя не по памяти. Я рисовал тебя по надежде. Что однажды ты придешь и увидишь. И спросишь. И я смогу ответить.

Вера подошла ближе к стене, протянула руку, почти коснулась выжженных линий — своего лица, своего смеха, застывшего в бетоне.

— Ты сделал меня красивее, — сказала она тихо. — Я не такая.

— Ты такая. Ты просто забыла, как улыбаться. Пожар, который убил Артема, убил и твою улыбку. Но это не значит, что ее нет. Она там, внутри. Забетонирована, как эти рисунки. Но огонь может ее освободить.

— Или сжечь дотла, — возразила Вера.

— Это тоже вариант, — согласился Холмов безразлично. — Но ты не боишься огня. Ты сама сказала: ты его понимаешь.

— Я понимаю. Но я не хочу сгорать.

— Тогда не сгорай. — Он развернул коляску к другой стене, где среди портретов погибших был один, который Вера не узнала. Мужчина лет сорока, с квадратной челюстью и холодными глазами. — Узнаешь?

Она вгляделась. Нет. Лицо незнакомое, но какое-то знакомое одновременно — тип, который встречаешь в бизнес-центрах и на официальных мероприятиях. Дорогой костюм, дорогая стрижка, дорогое ничего за глазами.

— Нет, — призналась Вера.

— Илья Морозов, — сказал Холмов. — До операции на лице. Он сделал пластику через год после пожара. Изменил скулы, подбородок, нос. Ездил в Швейцарию, заплатил двести тысяч евро. Думал, что так станет неузнаваемым.

Вера прищурилась. Да, теперь она видела сходство. Тот самый Морозов, который давал интервью на месте пожара, который плакал перед камерами, который обещал помочь семьям погибших. Тот самый, кому принадлежал «Факел».

— Ты рисуешь своих врагов, — сказала она.

— Я рисую правду, — поправил Холмов. — Эти лица — не враги. Это свидетели. Каждый, кого я здесь изобразил, знает что-то о той ночи. Каждый мог остановить пожар. Каждый промолчал за деньги, за страх, за должность. Они все горят в моем аду. Буквально. Я выжигаю их лица, чтобы помнить. Чтобы не простить.

Вера обошла комнату. Портрет следователя, который вел дело. Портрет прокурора. Портрет адвоката, который защищал Холмова — тот самый государственный, «за копейки». Бледное лицо с бегающими глазами. Портрет понятых, которые подписали протокол обыска. Портрет соседа Холмова по камере в СИЗО, который дал показания против него в обмен на смягчение приговора по своему делу.

— А это кто? — Вера указала на портрет женщины с короткой стрижкой, выжженный в углу, почти незаметный.

Холмов замаялся впервые за весь разговор.

— Моя мать, — сказал он глухо. — Она умерла, пока я сидел. Рак. Я не успел попроситься. Она поверила в мою вину. Написала письмо: «Ты больше не мой сын». Я сжег его. И выжег ее лицо. Чтобы не забыть, что даже родная кровь может предать.

Вера замолчала. В комнате стало тихо — только потрескивал электрокамин да где-то наверху, как и утром, капала вода.

— Почему ты остался в этом доме? — спросила она, наконец. — После тюрьмы. Ты мог уехать. В другой город, сменить имя, начать все заново.

— Зачем? — Холмов усмехнулся, но усмешка вышла кривой. — Кому я нужен? Инвалид, бывший зэк, без профессии — пиротехника с судимостью не возьмут ни в один театр. Без денег, без жилья, без будущего. А здесь, — он обвел рукой комнату, — здесь хотя бы тихо. Никто не задает вопросов. Никто не шарахается. Здесь я могу рисовать. Здесь я могу ждать.

— Ждать чего?

— Тебя, — сказал Холмов просто. — Я знал, что ты придешь. Не сразу. Через год, через два, через три. Но придешь. Потому что ты не можешь не прийти. Артем зовет тебя из прошлого, огонь зовет из будущего, а я — я просто стою на перекрестке. Я тот, кто видел. Я тот, кто помнит.

Он замолчал, затушил сигарету о подлокотник коляски — там уже был целый слой черных следов.

— Ты была с Артемом в ту ночь, — продолжил он после паузы. — За три дня до пожара. Вы приезжали в клуб на открытие. Артем хотел показать тебе, где будет работать. Ты была в красном платье. Я стоял на сцене, настраивал фейерверки. Ты подняла голову, посмотрела на меня и улыбнулась. Не спросила, кто я. Просто улыбнулась. Как тогда, на дне рождения. Как будто мы старые друзья.

Вера прикрыла глаза. Картинка всплыла из памяти — да, она помнила. Артем тянул ее за руку, показывал сцену, говорил: «Здесь будет круто, обещаю». А на сцене возился пиротехник с длинными волосами. Она улыбнулась ему просто так, автоматически — хорошим людям же надо улыбаться. Она не придавала значения.

А он запомнил.

— Ты влюблен в меня, — сказала Вера, открывая глаза. Это был не вопрос, а констатация факта.

Холмов не отвел взгляда.

— Я не знаю, что такое любовь, — ответил он. — Я знаю, что есть моменты, которые меняют всё. Тот вечер на дне рождения изменил меня. Я не спал потом три ночи, всё думал о твоём танце. Я даже пытался нарисовать тебя тогда — углем на бумаге. Получилось не так, как здесь. Слишком плоско. Слишком мертво. Я не умел тогда рисовать огнем.

— А теперь умеешь.

— Теперь умею. — Он кивнул на стену. — Потому что сгорел сам. Когда человек горит, он видит мир иначе. Он понимает, что огонь — это не разрушение. Огонь — это превращение. Дерево становится углем. Бетон становится холстом. Человек становится тем, кем он был на самом деле. Артем, когда горел, стал героем. Я, когда горел, стал художником. А ты, Вера, ты станешь правдой.

— Я не хочу быть правдой, — сказала она жестко. — Я хочу быть живой.

— Так будь. — Холмов подкатился ближе, на расстояние вытянутой руки. — Но для этого тебе придется заглянуть в глаза тому, кто убил Артема. Не мне — Морозову. Ты готова?

Вера молчала. Она смотрела на выжженный портрет себя — смеющуюся, танцующую, свободную. И понимала, что та Вера умерла три года назад. Та Вера, которая не боялась огня, потому что не знала, как он может обжечь. Та Вера, которая верила, что хорошие побеждают, а правда всегда торжествует.

Теперь Вера знала правду. Но правда не торжествовала. Она лежала на полу заброшенного дома, на стенах которого горели лица мертвых.

— У меня есть доказательства, — сказала она, наконец. — Патологоанатом дал показания. Настоящее заключение. Артема убили до пожара.

Холмов молчал три секунды. Потом закрыл лицо руками. Плечи его затряслись — Вера подумала, что он плачет, но когда он убрал руки, лицо было сухим. Слишком сухим для слез.

— Я знал, — сказал он. — Я был там. Я видел, как его тащили двое в масках. Я попытался остановить — меня ударили по голове, и я потерял сознание. Очнулся в горящем здании, с пробитым позвоночником. Кто-то, видимо, думал, что я тоже умру. Не угадали.

— Ты видел их лица?

— Нет. Маски. Но я слышал голоса. Один из них сказал: «Босс сказал, свидетель должен исчезнуть». Не «гость» или «пожарный». «Свидетель». Артем что-то знал. Что-то про Морозова. Про страховку. Про то, что клуб должны были поджечь. Он хотел помешать. И ему не дали.

Вера села на корточки перед коляской, оказавшись с Холмовым на одном уровне. Вблизи его лицо было еще более изможденным — темные круги под глазами, тонкая кожа, сетка морщин вокруг губ. Тюрьма не щадит никого.

— Почему ты не сказал это на суде? — спросила она.

— Говорил. — Холмов усмехнулся опять той же пустой усмешкой. — Мой адвокат сказал не упоминать про масок, потому что это звучит как бред. Судья назвал показания «недостоверными». Свидетель, который видел Артема живым после начала пожара, утверждал обратное. Все было куплено, Вера. Все.

— А сейчас? — Вера встала. — Сейчас ты готов повторить это под присягой?

— Я готов повторить это перед кем угодно, — ответил Холмов. — Вопрос в том, кто будет слушать. Морозов купил прокуратуру, полицию, суд. Ты одна, Вера. У тебя нет ресурсов, нет команды, нет поддержки. Только папка с бумагами и инвалид в коляске, который рисует огнем. Этого мало.

— Может, хватит, — сказала Вера. — А может, нет. Но я попытаюсь. Ради Артема. Ради пятерых погибших в клубе. Ради тебя.

Холмов поднял на нее глаза. В них горел тот самый огонь, которым он рисовал — желтый, живой, опасный.

— Ради меня не надо, — сказал он тихо. — Я уже ничто. Я догораю. Но пока я дышу, я буду рисовать. Я буду жечь их лица на бетоне, чтобы никто не забыл. И я буду ждать тебя каждый раз, когда ты уходишь.

— Я не уйду, — Вера взяла с пола металлический прут — калило. Остыл уже, черный, безжизненный. — Я возвращаюсь. Знаешь, почему?

— Почему?

— Потому что ты — первый человек за три года, который посмотрел мне в глаза и сказал правду. Даже если эта правда разрушит меня.

Холмов протянул руку, забрал у нее прут.

— Тогда, Вера Сомова, — сказал он, — добро пожаловать в ад. Здесь тебя ждут.

Он щелкнул зажигалкой, поднес к наконечнику калила. Металл начал набирать цвет — серый, красный, оранжевый. Через минуту прут снова горел живым огнем.

— Хочешь попробовать? — спросил Холмов. — Нарисовать то, что ты помнишь?

Вера посмотрела на пустую стену справа от входа — единственную, на которой еще не было портретов.

— Я помню только одно, — сказала она. — Момент, когда мне сказали, что Артем умер. Врач стоял в белом халате, в руках держал планшет. За его спиной было окно, и в окне горел закат. Я смотрела на этот закат и думала: «Как может солнце светить, если его больше нет?»

— Нарисуй это, — сказал Холмов, протягивая ей калило. — Закат. Врача. Окно. То, что ты видела.

Вера взяла прут. Ручка была теплой, но не обжигающей — Холмов сделал ее из дерева, обмотанного изолентой. Самодельно, грубо, но надежно.

— Я не умею, — сказала она.

— Никто не умеет, пока не попробует. — Он откатился назад, освобождая место у стены. — Огонь не ошибается. Он просто делает то, что должен. Ты тоже. Рисуй.

Вера поднесла раскаленный наконечник к бетону.

Металл коснулся серой поверхности — и зашипел, задымился, оставляя за собой темную полосу. Запахло гарью, но Вера не отшатнулась. Она вела линию за линией, неуклюже, не умело, но честно. Она рисовала закат — оранжевый, красный, желтый, хотя все оттенки ложились одним и тем же черным. Она рисовала окно — квадрат с крестом. Она рисовала врача — тонкая фигура без лица.

Холмов молчал. Он смотрел, как она рисует, и впервые за три года его лицо не было пустым.

Вера рисовала, пока прут не остыл. Потом Холмов снова нагрел его. Она рисовала снова. Через час на стене появилась картина. Страшная. Честная. Живая.

— У тебя талант, — сказал Холмов.

— Это не талант, — ответила Вера, опуская прут. — Это память.

Она повернулась к нему, и в свете электрокамина он увидел то, чего не видел пять лет — слезы на ее глазах. Не от слабости. От ярости. От боли. От того, что прошлое, наконец, перестало быть прошлым и стало настоящим, с которым можно сделать что-то, кроме как плакать по ночам.

— Мы сожжем его, — сказала Вера. — Морозова. Не физически. Я не убийца. Но мы сожжем его репутацию, его бизнес, его будущее. Мы сделаем так, чтобы он тоже узнал, что такое гореть.

Холмов кивнул.

— Я с тобой, — сказал он. — До конца. Какой бы ни был конец.

Они сидели в комнате, полной выжженных лиц, и смотрели, как умирает огонь в электрокамине. А за окном, на улице Заводской, снова кто-то зажег свет в окне четырнадцатого этажа.

Красный. Пульсирующий. Живой.

Кто-то наблюдал. Кто-то ждал. Кто-то знал, что Вера Сомова наконец готова.

И этот кто-то улыбался в темноте, потому что план работал.

— Ты готова? — спросил Холмов.

Вера посмотрела на него. На его изуродованное тело, на его горящие глаза, на его руки, которые рисовали огнем.

— Готова, — сказала она. — Пошли жечь правду.

Огонь честен. И теперь у него было два лица — женщина, которая не боялась сгореть, и мужчина, который уже сгорел, но продолжал гореть за двоих.

Это была только начало.

Глава 4. Он жив?

Вера не спала третьи сутки.

Это не было бессонницей в привычном смысле — когда глаза слипаются, а мысли путаются. Это было другое: состояние ясного, почти болезненного бодрствования, когда каждый звук кажется выстрелом, а каждая тень — человеком. Кофеин больше не работал. Адреналин тоже. Оставалась только злость — чистая, как дистиллированная вода, и такая же безвкусная.

Она сидела в своей машине на Заводской, пила остывший кофе из термоса и смотрела на окна дома семнадцать. Уже светало. Снег перестал, небо над Краснодаром наливалось свинцом, и где-то за горизонтом назревал новый циклон.

В папке на пассажирском сиденье лежали показания патологоанатома. Вера перечитала их раз пять за ночь, пытаясь найти хоть одну зацепку, которая вела бы не в тупик. Но каждая строчка упиралась в одно и то же: Артема убили. До пожара. И тело... тело исчезло.

Она не хотела думать об этом. Но Холмов вчера, перед тем как она ушла, сказал странную фразу. Сказал как бы между прочим, когда она уже взялась за дверную ручку.

— Вера, — окликнул он. — Ты никогда не задавалась вопросом, почему тело Артема не отдавали родственникам три дня? Почему похороны прошли в закрытом гробу? Почему ты не настояла на эксгумации?

Она обернулась. Холмов сидел в коляске, подсвеченный утренним солнцем, и выглядел призраком — полупрозрачным, почти нереальным.

— Что ты хочешь сказать? — спросила она настороженно.

Он помолчал. Потом произнес фразу, которая перевернула всё:

— Вашего жениха не откопали, потому что его там не было.

Вера замерла. Сердце пропустило удар, потом забилось где-то в горле, перекрывая дыхание.

— Что значит «не было»? — выдохнула она.

— То и значит. — Холмов развернул коляску к стене, где висел его портрет Морозова. — В могиле, которую ты посещаешь каждое воскресенье, лежит не Артем. Там лежит тело другого человека. Мужчина примерно того же возраста, роста, телосложения. Обезображенное до неузнаваемости. Ты не видела лица, Вера. Гроб был закрыт. Ты плакала и не спрашивала. Ты поверила.

— Ты лжешь, — прошептала она.

— Я никогда тебе не лгал. Даже когда молчал. — Он достал из кармана куртки смятый листок бумаги — старый, пожелтевший, с неровными краями. — Это показания санитара морга. Он работал в ночь, когда привезли тела из «Факела». Он видел, как одно тело — с признаками удушения, без ожогов — заменили на другое, обгоревшее до костей. Замену организовал лично Морозов. Через своего человека в полиции.

Вера не взяла листок. Она смотрела на него, как на змею.

— Почему ты не сказал раньше?

— Потому что я узнал об этом только вчера, — ответил Холмов. — Тот санитар сидел со мной в одной камере в СИЗО. Он умер через месяц после моего ареста. «Несчастный случай» — упал с лестницы. Но перед смертью он успел рассказать мне всё. Он боялся, но хотел очистить совесть. Я спрятал его показания в тайник. Дождался, пока выйду. И вот они.

Он протянул листок снова. На этот раз Вера взяла.

Текст был написан от руки, корявым почерком, с орфографическими ошибками. Но смысл был ясен: «Труп номер четыре, Сомов А.А., был заменен на неустановленного мужчину по указанию старшего следователя Петренко В.И. Оригинал тела был вывезен на машине без опознавательных знаков. Куда — не знаю. Клянусь, что это правда. Подпись».

Вера дочитала до конца. Потом перечитала снова. И снова.

— Этого не может быть, — сказала она. — Я видела его в морге. Я... я держала его за руку.

— Ты держала за руку труп, — жестко сказал Холмов. — Который был похож на Артема. Который был примерно его размера. Который лежал в той же одежде. Но это был не он. Ты не дала себе труда присмотреться. Ты была в горе, Вера. Ты хотела верить, что он мертв, потому что жить с надеждой — слишком больно. Проще оплакать и забыть.

— Я не забыла! — закричала она.

— Ты не забыла. Но ты смирилась. А зря.

Они смотрели друг на друга несколько секунд. Вера чувствовала, как земля уходит из-под ног. Если Артем жив — где он? Почему не дал о себе знать? Почему позволил ей три года страдать, приходить на могилу, разговаривать с памятником?

— Если он жив, — сказала она ледяным тоном, — то он предатель.

— Или пленник, — возразил Холмов. — Или человек, который не может вернуться. Или тот, кого заставили молчать. Есть много вариантов, Вера. Самый страшный — не то, что он жив. Самый страшный — что он не хочет возвращаться.

Она тогда ушла. Хлопнула дверью так, что стекло задребезжало. Выбежала на улицу, села в машину, завела двигатель и уехала, не попрощавшись. Ехала, не разбирая дороги, пока не оказалась на кладбище. Там, у могилы с фотографией Артема, она простояла час. Смотрела на даты: 1995–2022. На эпитафию: «Сгорел, но не сдался». И не знала, что думать.

Сейчас, на рассвете третьего дня, Вера все еще не знала. Папка с показаниями лежала рядом. Листок санитара — в ее кармане. Она позвонила знакомому в ЗАГС и попросила проверить записи о захоронении. Ответ пришел через час: «Тело Сомова А.А. было кремировано. По решению родственников».

Но она не просила кремацию. Свекровь, мать Артема, тоже не просила. Вера звонила ей вчера вечером, и та сказала: «Мне сказали, что так надо. Что тело сильно обгорело, что лучше кремировать. Я подписала бумаги, мне дали урну. Вера, что случилось?»

Что случилось.

Вера вышла из машины и направилась к подъезду дома семнадцать. Сегодня она знала дорогу. Ей не нужен был фонарик. Ноги сами несли ее к комнате с выжженными стенами.

Холмов не спал. Он сидел в коляске, перед ним стояла банка с краской — обычной, масляной, не огнем. Он рисовал на листе картона. Увидев Веру, отложил кисть.

— Я знал, что ты вернешься, — сказал он привычно.

— Хватит, — оборвала его Вера. — Хватит твоих «я знал». Ты не экстрасенс. Ты просто человек, который три года скрывал правду. Скажи мне сейчас, прямо: Артем жив?

Холмов посмотрел на нее долгим взглядом. Потом кивнул.

— Да. Я уверен на девяносто процентов. Остальные десять оставляю на случай, если его убили после замены. Но скорее всего — жив.

Вера закрыла глаза. В голове зашумело, как в раковине, когда вода уходит в слив.

— Где он?

— Не знаю. Возможно, за границей. Возможно, здесь, в Краснодаре, под другим именем. Возможно, сидит в подвале у Морозова. Я не всемогущ, Вера. Я могу только рисовать и ждать.

— Перестань ждать! — Она подошла к нему почти вплотную, нависла над коляской. — Ты утверждаешь, что видел, как Артема тащили двое в масках. Ты утверждаешь, что он был жив до пожара. Ты утверждаешь, что его тело заменили. Но ты не знаешь главного — зачем? Зачем Морозову похищать пожарного? Если хотел убить — убил бы. Если хотел запугать — запугал. Зачем эта сложная схема с подменой трупа?

— Затем, что Артем знал что-то большее, чем просто страховка, — ответил Холмов спокойно. — Что-то, что Морозов не мог позволить ему рассказать. Но и убивать его было нельзя. Потому что Артем был нужен живым. Как заложник. Как гарант. Как... ключ.

— Ключ к чему?

— К тебе. — Холмов поднял на нее глаза. — Вера, ты не задумывалась, почему ложные вызовы на Заводскую начались ровно через два месяца после твоего назначения в инспекцию? Почему именно этот дом? Почему именно эти сигналы, которые ведут тебя сюда снова и снова?

— Ты говорил, это Морозов.

— Я говорил, что это кто-то. И я почти уверен, что Морозов. Но зачем? Зачем ему дергать тебя за ниточки? Затем, что ты — единственная, кто может докопаться до правды. Потому что ты не полицейский, не следователь, ты инспектор. У тебя есть доступ к документам, к архивам, к экспертам. Ты умна, упряма и не подкупна. Ты — идеальный инструмент. Или идеальная жертва.

— Меня используют? — Вера отшатнулась.

— Тебя всегда использовали, — жестко сказал Холмов. — Морозов использовал, чтобы ты ходила сюда как на работу. Артем, возможно, использовал, чтобы ты... — он запнулся, — чтобы ты была его алиби. Не знаю. Я не хочу тебя обидеть. Но, правда, в том, что ты не просто женщина, потерявшая жениха. Ты — центр этой истории. Без тебя ничего не работает.

Вера отошла к стене, прислонилась спиной к выжженному портрету Морозова. Холод бетона проник сквозь куртку, отрезвил.

— Что мне делать? — спросила она. Впервые за три года она спрашивала совета. Не у начальства, не у коллег — у инвалида в заброшенном доме.

— Найти Артема, — ответил Холмов. — Живым или мертвым. Узнать, что он знал. И только тогда идти к Морозову. Сейчас у тебя только слова и бумаги. Этого мало. Нужно тело. Или свидетель. Или признание самого Артема.

— Где искать?

Холмов развернул коляску к столу, где лежала карта Краснодар, испещренная красными метками.

— Я три года анализировал, — сказал он. — Каждый ложный вызов, каждое движение Морозова, каждую его сделку. У него есть несколько объектов, которые не внесены в официальные реестры. Склады, подвалы, частные клиники. Я отметил их на карте. Артем может быть в одном из них.

Вера подошла к столу. Красные точки покрывали карту, как сыпь — больше двадцати адресов.

— Это слишком много, — сказала она. — На проверку каждого уйдут месяцы.

— У нас нет месяцев, — ответил Холмов. — У нас есть неделя. Через десять дней Морозов улетает в Швейцарию. Если он уедет — мы его не достанем. Он отмажется, купит врачей, адвокатов, судей. Шанс будет потерян навсегда.

— Откуда ты знаешь про Швейцарию?

— У меня есть источники. — Холмов усмехнулся. — Ты думаешь, я просто сижу и рисую? У меня есть люди. Не герои, нет. Но те, кто ненавидит Морозова. Бывшие партнеры, обманутые кредиторы, родственники погибших. Я собирал сеть три года. И теперь она готова.

Вера провела пальцем по карте, останавливаясь на одной из красных точек — в промышленной зоне на окраине города.

— Что здесь? — спросила она.

— Бывший склад медицинского оборудования. Продан Морозову через подставную фирму. Охрана, камеры, глушилки. Я посылал туда человека — он не вернулся. Исчез. Полиция нашла его машину на трассе, а его самого — нет.

— И ты предлагаешь мне туда пойти?

— Я предлагаю туда пойти нам. — Холмов похлопал по подлокотнику коляски. — Я не могу передвигаться быстро, но я знаю систему. Видеокамеры, маршруты охраны, слепые зоны. Я подготовил план. Всё, что нужно — это кто-то, кто пойдет внутрь. Смелый. И безрассудный.

— Ты описываешь меня, — сказала Вера.

— Я описываю тебя, — согласился Холмов. — Другого у нас нет.

Она посмотрела на него. На его сломанное тело, на его горящие глаза, на его руки, которые три года рисовали правду на бетоне.

— Если Артем там... если он жив... что я скажу ему? — спросила она тихо. — Прошло три года. Я похоронила его. Я приносила цветы на могилу. Я... я начала жить дальше. Не с кем-то, но я жила. А он, если он жив, он исчез. Не позвонил. Не написал. Не сказал: «Вера, я жив, не плачь». Как я могу простить это?

— А ты не прощай, — сказал Холмов. — Ты спроси. Узнай правду. А потом решай. Прощать или нет — это твой выбор. Но сначала — правда.

Вера кивнула. Решение пришло не как вспышка, не как озарение. Оно пришло как усталость — тяжелая, вязкая, окончательная. Она устала бояться. Устала сомневаться. Устала жить в подвешенном состоянии между прошлым и будущим.

— Сегодня ночью, — сказала она. — В двадцать три ноль-ноль. Я заеду за тобой. Ты покажешь дорогу.

— Я не смогу сидеть в машине долго, — предупредил Холмов. — Спина. Каждый час нужен перерыв.

— Мы сделаем перерывы, — отрезала Вера. — Ты нужен мне там.

Холмов посмотрел на нее с чем-то, похожим на уважение.

— Ты изменилась, — сказал он. — За три дня. Ты стала... жестче. Решительнее.

— Огонь меняет, — ответила Вера. — Ты сам говорил.

— Говорил. — Он протянул руку, и она, не думая, пожала ее. Ладонь была горячей, несмотря на холод в комнате. — До вечера, Вера Сомова.

— До вечера, Даниил Холмов.

Она вышла из комнаты, прошла по темному коридору, выскочила на улицу и вдохнула морозный воздух полной грудью. Снег пошел снова — мелкий, колючий, как битое стекло.

В машине она достала телефон и набрала номер старого знакомого из ГИБДД.

— Саша, привет. — Голос звучал ровно, деловито. — Мне нужна услуга. Пробыть адрес: улица Промышленная, 17, строение 3. Кому принадлежит, какие машины зарегистрированы, кто заходит-выходит. Сможешь?

— Вера, ты во что ввязалась? — спросил Саша.

— В правду, — ответила она. — Постарайся узнать до вечера.

Она сбросила вызов и посмотрела на дом семнадцать. В окне четвертого этажа горел свет — Даниил зажег керосиновую лампу. Он знал, что она смотрит. Он поднял руку в знак того, что все готово.

Вера подняла руку в ответ.

Вечером они поедут на склад. Вечером они узнают, жив ли Артем. Вечером все изменится — или закончится.

Она завела машину и поехала домой — собираться. Огнетушитель, монтировка, фонарик, аптечка. И папка с показаниями — на всякий случай, если не вернется.

Перед выходом из квартиры Вера остановилась у зеркала. Посмотрела на свое отражение. За три дня она похудела, под глазами залегли тени, но взгляд стал другим — не затравленным, а хищным.

— Ну, Артем, — сказала она своему отражению. — Если ты жив... берегись. Я иду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.